

© В. А. Ефремов

DOI: 10.15293/2226-3365.1606.08

УДК 811.161.1

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И РУССКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ*

В. А. Ефремов (Санкт-Петербург, Россия)

В статье демонстрируются различные способы и пути гендерно ориентированного лингвистического анализа словарной статьи, направленного прежде всего на обнаружение в ней гендерных стереотипов и асимметрий. Цель данного исследования – эксплицировать разнообразные способы прямой или скрытой трансляции элементов концептуализации гендерной составляющей языковой картины мира в лексикографическом тексте как трансляторе определенной лингвокультуры. В ходе анализа с опорой на современные теории социальной когниции и гендерных стереотипов выявляются разные способы функционирования стереотипов в продукте лексикографической деятельности: через систему помет, иллюстративный материал, отбор лексем, традицию дефинирования. С помощью сопоставительного лексикографического анализа статей мужик и баба, представленных в базовых толковых словарях русского языка XVIII–XXI вв., проводится анализ гендерных стереотипов русской лингвокультуры в диахроническом аспекте: анализ изменений в филиации, семантизации, стилистической маркировке тех или иных значений этноспецифических ядерных вербализаторов концептов «мужчина» и «женщина» позволяет проследить как сохранение, так и трансформации представлений о гендерном устройстве российского общества. В заключение делается вывод о том, что, следуя той или иной традиции в толковании ключевых слов культуры и языковой картины мира, лексикографы не всегда ощущают гендерные стереотипы, характеризовавшие предшествующие эпохи и отразившие картину мира иного по гендерноролевой структуре общества. Глубинные причины сохранения подобных гендерных стереотипов – это, во-первых, несовпадение между когнитивной и языковой картинами мира и, во-вторых, сама диалектическая природа соотношения постоянного и изменяющегося в языке, его констант и трансформаций.

Ключевые слова: стереотип, концептуализация, гендерный стереотип, лексикография, лексемы «мужик» и «баба».

Как известно, в широкий научный обиход термин «стереотип» ввел американский общественный деятель и журналист У. Липп-

манн, который в работе «Общественное мнение» (1922) определил стереотипы как «образы в нашем сознании (*the pictures in our*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательских проектов № 15-04-00122 («Прагматический потенциал языкового знака: семасиологический и лексикографический аспекты») и № 15-04-00318 («Социокультурные факторы как мотивационная основа типологии словарей»).

Ефремов Валерий Анатольевич – доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
E-mail: valef@mail.ru

heads)», спасающие человека от сложности окружающего мира. «Стереотипы, – писал У. Липпманн, – это предвзятые мнения, которые решительно управляют всем процессом восприятия. Они маркируют определенные объекты как знакомые или незнакомые, так что едва знакомые кажутся хорошо известными, а незнакомые – глубоко чуждыми. Они возбуждаются знаками, которые могут варьировать от истинного индекса до неопределенной аналогии»¹. Все дальнейшие дефиниции стереотипа как языкового, философского, социального, этнографического, психологического, когнитивного или культурно-поведенческого явления так или иначе опираются на ставшую классической концепцию У. Липпманна, описавшего базовые характеристики данного феномена: устойчивость, ригидность, консерватизм, оценочность, экономичность, эмоциональность, традиционность, гипертрофированность (тенденциозность).

В работах современных психологов и социологов можно выделить два основных подхода к гендерным стереотипам, которые имеют прямое отношение к собственно лингвистическим исследованиям. Первый, социокультурный, утверждает, что «гендерные стереотипы – это стандартизированные представления о моделях поведения и чертах характера, соответствующие понятиям “мужское” и “женское”» [10, с. 16]. При таком подходе гендерные стереотипы анализируются как наиболее яркие и эффективные механизмы формирования традиционного гендерного поведения и социальных ролей (ср., например, коммуникацию родителей и детей, в которой гендерные стереотипы представлены наиболее ярко: *Мальчики не плачут! Нельзя быть такой гряз-*

нулей – ты же девочка! и т. д.). Второй, когнитивно-психологический, подход определяет гендерные стереотипы как «психологические и поведенческие характеристики, традиционно приписываемые мужчинам либо женщинам» [5, с. 351]. Основное отличие между данными подходами заключается в том, что в первом случае в генезисе и природе гендерной стереотипии основную роль играет культура, а во втором – психология личности.

Современная гендерная лингвистика в качестве постулата принимает тот факт, что в любом развитом языке можно найти примеры гендерных асимметрий (нетождественные представления и оценки ‘мужского’ и ‘женского’ в лингвокультурном пространстве) и гендерных стереотипов. Под последними понимают упрощающие и обобщающие эмоционально окрашенные суждения о «типичных» представителях разных гендеров. В лингвокультурном пространстве гендерные стереотипы могут существовать как эксплицитно (например, характеризующие пословицы типа «Волос долог, да ум короток», «Баба с возу – кобыле легче», «Все блондинки дуры»), так и имплицитно (например, разного рода грамматические и словообразовательные запреты, ограничения на лексическую сочетаемость типа **миловидный мужчина*, *кокетливый мачо, **нахрапистая барышня*, **башковитая девушка* и мн. др.).

Лингвистическое исследование гендерной стереотипии удобнее вести именно на базе когнитивно ориентированного направления, потому что связь между языковыми механизмами концептуализации представлений о гендерной составляющей картины мира и вербализованными гендерными стереотипами более очевидна.

¹ Lippmann W. Public Opinion. – N.Y., 1922. – URL: <http://xroads.virginia.edu/~Hyper/Lippman/contents.html> (accessed 20.08.2016).

В последнее время для того чтобы разграничить индивидуальный и социальный (обусловленный во многом этнолингвистической спецификой) процессы познания окружающей действительности, в ряде работ западных этнопсихологов, когнитологов и лингвистов вопросы концептуализации связывают с так называемой «социальной когницией» (*social cognition*), под которой понимают совокупность процессов в сознании индивидуума, протекающих под влиянием внешних факторов, связанных с результатами деятельности социума.

Так, в исследованиях австралийского ученого Ф. Шарифьяна соотношение ментального и лингвистического представлено следующим образом: «Язык служит в качестве «банка памяти» для культурных концептуализаций его носителей, как в прошлом, так и в будущем» [6, с. 105]. При таком подходе социальная когниция рассматривается как «сложная адаптивная система», а концептуализация – как способ толкования людьми, принадлежащими различным культурным группам, собственного опыта и разнообразных точек зрения на мир. При этом Ф. Шарифьян подчеркивает, что культурная концептуализация существует в первую очередь благодаря языку: «лексические элементы человеческих языков следует рассматривать как способы «схватывания» и хранения культурных концептуализаций» [6, с. 109].

Одновременно бурное развитие собственно гендерной лингвистики привело к тому, что как для западной, так и для отечественной науки сверхактуальным аспектом современной гендерной лингвистики становится гендерный анализ разнообразных текстовых источников, на первый взгляд, весьма далеких от гендерной проблематики, например, школьных учебников или хрестоматий по

детской литературе [1], законодательных актов [4], справочниках [3] и научных энциклопедий [7]. К числу таких, внешне гендерно нейтральных текстов, анализ которых может вскрыть значимые для данной языковой культуры гендерные нюансы, необходимо отнести и лексикографические источники. Представляется, что анализ словарей (в первую очередь, толковых) позволяет по-новому взглянуть на основную проблему современных гендерных исследований – «какие роли, нормы, ценности предписывает общество мужчинам и женщинам через системы социализации, разделения труда, культурные ценности и символы» [9, с. 9]. Анализ лексикографических источников с точки зрения гендерного подхода дает возможность получить информацию о том, какие социальные и психологические нормы и предписания для мужчин и женщин фиксируются в справочном материале, как осмысляются в них концепты «мужественность» и «женственность», как выстраивается сам образ мужчины и женщины, с какими фрагментами мира и тематическими областями языковой картины мира связаны представления о маскулинности и феминности.

К сожалению, до сих пор исследования отечественных лексикографических источников в аспекте экспликации в них гендерной агональности и гендерных противоречий практически не проводятся. Из богатого корпуса разнообразных по жанру работ, написанных в русле российской гендерной лингвистики, данный аспект анализа представлен в материалах доклада А. А. Попова [15], анализирующего гендерную сочетаемость устойчивых сравнений, в краткой статье Е. А. Пименова [14], во многом ошибочно интерпретирующего сочетаемость ряда глаголов по гендерному признаку, и в кандидатской диссертации О. В. Вишняковой «Лингвокультурологическое описание гендера в лексикографии»

(Ярославль, 2006), эксплицирующей гендерные асимметрии славянской мифологии по данным энциклопедических справочников.

Гендерные стереотипы, эксплицитно или имплицитно присутствующие в результатах деятельности лексикографов, весьма разнообразны. В качестве примеров можно привести следующие способы отражения гендерных представлений в (мета)языковой деятельности авторов и составителей словарей:

1. Наличие в толковых словарях пометы *Жен. к.*, сопровождающей номинации профессий, рода деятельности, чинов, при отсутствии параллельной пометы *Муж. к.* (ср. **Писательница** *Жен. к.* писатель; **Морячка**. *Разг.* 1. К моряк (2 зн.). *Советы бывалой морячки.* 2. Жена моряка². Более того, в современных толковых словарях русского языка в принципе не используются гендерно толерантные способы подачи подобного рода номинаций, например: **Писательница**. Женщина-писатель. **Морячка**. 2. Женщина-моряк. (Существует, правда, и иной, более описательный способ толкования, используемый, например, в словаре Н. П. Колесникова: **Морячка**. 2. Женщина, связанная с морем, хорошо знающая его, опытная в морском деле. **Писательница**. Женщина, профессионально занимающаяся литературной деятельностью³).

2. Отражение в иллюстративном материале словарных статей стереотипов патриархального сознания. Например, речения на слово *пол*, приводимые большинством русских толковых словарей, суть не что иное, как четкая вербальная фиксация древнейших стереотипов: *Прекрасный, нежный пол* (о женщинах). *Сильный пол* (о мужчинах). *Слабый пол* (о женщинах). Нередко сама иллюстрация может

эксплицировать не только употребление гендерно окрашенного слова, но и своего рода метаязыковые знания о нем и связанных с ним стереотипах: **Баба**. 4. *Разг. презр.* О слабом, нерешительном мужчине, мальчике. [Паратов:] *Если мужчина заплачет, так его бабой назовут; а эта кличка для мужчины хуже всего, что только может изобрести ум человеческий.* А. Островский, *Бесприданница*⁴.

3. Выбор в качестве иллюстративного материала к словам, обозначающим положительные черты человека, таких цитат из художественных текстов, в которых в качестве носителя этих характеристик предстает исключительно мужчина. Доказательством могут служить примеры гендерных асимметрий в зоне иллюстрации следующих словарных статей:

Мудрый. 1. Одаренный большим умом и обладающий знанием жизни, опытом. **Мудрый человек**. **Мудрый полководец**. $\diamond$ *Актер, дающий жизнь во всем ее неизмеримом разнообразии, – не потешник и скоморох, а мудрый художник, знающий, сильный и нужный всем.* Южин-Сумбатов, О Щепкине⁵;

Сообразительный. Быстро схватывающий основное, существенное в чем-л., понятливый, находчивый. *Теперь, когда все собрались за одним столом, места для многих не хватит. **Сообразительный Яшка** нашел выход: – он приволок несколько длинных и широких досок, подставили под них чурбаны, и получился порядочный стол.* Саянов, Лена. || Свидетельствующий о понятливости, находчивости. *Это был очень складный, красивый мальчуган лет десяти, с умным, сообразительным личиком.* Павленко, *Степное солнце*⁶.

² Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.

³ Колесников Н. П. Толковый словарь названий женщин. – М.: АСТ, Астрель, 2002. – 608 с.

⁴ Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Наука, 1981–1984. – Т. 1. – С. 53.

⁵ Там же. Т. 2. – С. 308.

⁶ Там же. Т. 4. – С. 195.

(См. также иллюстрации в толковых словарях русского языка к таким словам, обозначающим положительные черты человеческого характера и поведения, как *деятельный, доброжелательный, инициативный, опытный, толковый* и многие другие);

4. Фиксация новых гендерных стереотипов, появление которых связано с трансформациями в социокультурной действительности последних лет. В качестве частного косвенного доказательства актуализации гендерных вопросов в современном лингвокультурном пространстве можно привести тот факт, что в толковом словаре под ред. С. А. Кузнецова зарегистрированы 19 дериватов от слова *секс*, в то время как в «Словаре русского языка» их всего 6 (4 из которых – термины). Проблема взаимоотношений полов и новых форм выражения сексуальности привели к появлению таких слов и реалий, как, например, калькированное заимствование **Секс-бомба**. «*Шутл.* О женщине, подчеркивающей в своей внешности чувственную страсть, вызывающей сильное чувственное влечение»⁷.

Отдельного внимания заслуживает анализ традиции русского лексикографирования ядерных вербализаторов концептов *мужчина* и *женщина*, который позволяет выявить сопутствующие им как постоянные, так и переходящие гендерные стереотипы. Осознавая «многомерность» концепта [8, с. 16–17] и, следовательно, широту возможных путей его лингвистических исследований [11], остановимся лишь на некоторых аспектах традиции и способах описания ядерных лексем в отечественной толковой лексикографии, на примере слов *мужик* и *баба*.

(Справедливости ради надо сказать, что гендерные стереотипы пышным цветом расцветают не только на страницах толковых словарей, но и в таких, во многом лишенных лексикографической традиции источниках, как идеографические словари. Так, например, в «Идеографическом словаре русского языка» О. С. Баранова описание понятия ‘мужчина’ внутренне самостоятельно и детализовано (например, через раздел «мужская внешность»), а раздел «женщина» просто включен внутрь кластера «личность», наряду с другими.)

В истории русского языка диминутивный по сути своей дериват от корня *муж* – **мужик** – возникает XV в.: одна из первых достоверных письменных фиксаций встречается в «Хожении за три моря» (1466–1472) Афанасия Никитина. Как отмечают этимологи, первоначально диминутивный характер этого слова имеет прямую отнесенность к социальным стереотипам средневековой эпохи и «объясняется тем, что людей, более низких в правовом отношении, обозначали как несовершеннолетних»⁸. Более того, в западославянских языках словом *мужик* называли маленького человека, карлика или несовершеннолетнего⁹. Исторические словари русского языка отмечают, что на протяжении трех веков эта лексема употреблялась в трех значениях: ‘простолудин, крестьянин’, ‘мужчина’ и ‘супруг’.

Однако «Словарь Академии Российской», отражая состояние современного ему языка, фиксирует лишь одно, исторически первое и стилистически нейтральное, значение слова *мужик* – ‘крестьянин, житель сельской’. Можно утверждать, что именно это, еще раз подчеркнем, лишенное какой-либо

⁷ Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 1998. – С. 1171.

⁸ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Терра, 2004. – Т. 2. – С. 671.

⁹ Холодная В. Г. Мужик // Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре / Д. А. Баранов и др. СПб.: Искусство–СПБ, 2005. – С. 372.

оценки значение и было основным на протяжении всего XIX и начала XX вв.

Словарь В. И. Даля, помимо основных значений 'мужчина простолюдин, человек низшего сословия; крестьянин', приводит и 'человек необразованный, невоспитанный, грубый'. Однако для выражения последнего значения в XIX в. уже существовало одноокоренное, псковское по происхождению, слово *мужлан*, которое встречается, например, уже в «Рославле» М. Н. Загоскина (1832), хотя и не зафиксировано в «Словаре русского языка XVIII в.». Подобное приращение значения также отражает социальный стереотип: человек, находящийся на более низкой ступени социальной лестницы, груб, неотесан, невоспитан.

Однако социокультурные трансформации, которые имели место в России начала XX в., привели к значительным изменениям в языковой картине мира русскоговорящего человека, что не могло не отразиться и на судьбе слов, выражающих архетипические концепты человеческого сознания. Так, уже первый толковый словарь советской эпохи фиксирует иную филиацию и стилистическую маркированность лексемы: «**Мужик**. 1. В устах "господ" (прежде), а также в крестьянском быту – крестьянин. 2. В том же языке "господ" – грубый, невоспитанный человек вообще (*разг. пренебр. устар.*). 3. Мужчина (*обл. и простореч. фам.*). 4. Муж (*обл.*)»¹⁰. С одной стороны, казалось бы, словарь новой эпохи возвращает слову *мужик* всю полноту семантического содержания (см. приведенные выше данные исторических словарей). С другой стороны, именно в словаре под ред. Д. Н. Ушакова предпринята попытка путем идеологического окрашивания (ограничительная помета «в устах (языке) "господ"») маркировать данное

слово, а значит, и само понятие (!), как чуждое новой реальности, как допустимое лишь во внелитературной речи, отражением чего и становятся словарные пометы. Так с помощью помет и элементов дефиниций лексикографы транслируют новые гендерные (и шире – социальные) стереотипы.

Следует отметить, что подобного рода лексико-системные отношения *мужчины* и *мужика* – базовых слов, обозначающих мужчину *per se*, – не могли не отразиться и на использовании одноименных фатических средств языка. Так, наиболее информативный толковый словарь русского речевого этикета отражает появление неупотребительных до революции обращений типа:

Мужик. *Прост.* 1. Грубовато-фамильярное обращение к незнакомому мужчине (обычно к бедно одетому, неопрятному на вид), равному или низшему по положению. 2. Обиходное обращение жены к мужу (чаще в сельской местности).

Мужчина. *Прост.* Преимущественно женское обращение к незнакомому мужчине (обычно на улице, в общественных местах). До революции – малоупотребительное. /.../ В сочетании с «Вы»-формами получило широкое распространение в городском просторечии в советский период¹¹.

Таким образом, в начале советской эпохи существования русского языка сформировалась важная для языковой картины мира уже не просто социальная, как в XIX в., а социокультурная оппозиция двух типов маскулинности, двух полюсов мужского поведения – *мужчина* и *мужик*. Первый тип приобретает черты идеального, положительного и правильного; второй – черты отрицательного и маргинального.

¹⁰ Толковый словарь русского языка / под ред.

Д. Н. Ушакова. – М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.» и др., 1935–1940. – Т. 2. – Стлб. 274–275.

¹¹ Балакай А. Г. Толковый словарь русского речевого этикета. – М.: Астрель, 2004. – С. 266–267.

нального. Эти два типа маскулинного поведения получают свою полную лексикографическую интерпретацию и отражают сформированность новой системы гендерных стереотипов.

Пожалуй, самые интересные семантические и прагматические трансформации из ядерных вербализаторов, обозначающих мужчин и женщин, пережило слово *баба*, которое ни в XIX в., ни ранее не имело такой сильной пейоративной оценки, которая появилась у него в XX в.

В первом толковом словаре русского языка, «Словаре Академии Российской», ни пометы, ни дефиниции не содержат никаких указаний на пейоративную окраску слова *баба*, что соответствует патриархальной языковой картине мира и отражает сугубо номинативный, почти лишенный коннотативного ореола характер данной номинации:

Баба Сл. 1) Мать отцова или материна. *Воспоминаніе пріемля о сущей въ тебе нелицемерной вере, яже вселися прежде в бабу твою Лоиду.* 2. Тим. I.5. 2) Повивальная бабка. *Рече Царь Египетскій бабамъ Еврейскимъ.* Исх. I.15. 3) Пожилая женщина вообще.

Баба, в общенародномъ употребленіи значить вообще женщину низкаго состоянія. *Баба крестьянская*¹².

Словарь В. И. Даля также не фиксирует никаких отрицательных коннотаций слова *баба* (за исключением одного значения, о чем ниже) и также вписывает эту лексему в патриархальную, крестьянскую картину мира (см. выделенный авторский комментарий к третьему значению): «**Баба.** Замужняя женщина низших сословий, особенно после первых лет, когда она была *молодкою*, *молодицею*, или вдова. || Мать отцова или материна, жена деда,

более употреб. умалит. *бабка*, *бабушка* и пр. || Жена; **крестьянин редко иначе назовет в глаза жену свою**, разве хозяйкою. || Повитуха, повивальная бабка, приемница; также более употреб. *бабка*, *бабушка*, *баушка*»¹³.

Русская языковая картина мира XX в. претерпевает значительные трансформации, и словарь отображает, а в некоторых случаях и навязывает те изменения и нововведения, которые появляются не только у идеологически значимых пластов лексики, но и у таких базовых слов культуры. В толковом словаре под ред. Д. Н. Ушакова трансформация семантического и прагматического компонентов лексемы *баба* выглядит следующим образом:

Баба¹. 1. В устах "господ" (прежде) и в крестьянском быту – замужняя крестьянка; *противоп.* девка. *Долго он не мог распознать, какого пола была фигура – баба или мужик.* Ггль. *Всех баб и девок согнали на барщину. Рядом дышит перепуганная баба, дочь толкается, топчут сыновья* (описание избы). Бзмнскй. 2. Жена (*простореч.*). *Без бабы остался, сам хозяйничает.* 3. Вообще женщина (*разг. вульг.*). *Вздорная б. Здоровенная б. У меня есть ум, и меня ценят бабы.* М. Грькй. 4. *перен.* Мужчина робкого нрава, слабый, нерешительный (*разг.-презрит.*). *Он такая баба, всякому в обиду дается*¹⁴.

Эмоционально-экспрессивные пометы (все значения, кроме первого, маркированы) и идеологический компонент толкования эксплицируют некий прагматический сдвиг, который изменяет и концептуальную значимость слова *баба*: утрачивая статус ядерного вербализатора концепта «женщина», оно сдвигается к периферии и сужает сферу употребления.

¹² Словарь Академии Российской 1789 – 1794. – Т. 1. – М.: МГИ им. Е. Дашковой, 2001. – Стлб. 65–66.

¹³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Терра, 1998. – Т. 1. – С. 32.

¹⁴ Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.» и др., 1935–1940. – Т. 1. – Стлб. 73.

Остальные толковые словари XX в. продолжают традиции словаря под ред. Д. Н. Ушакова и развивают тенденцию «огрубления» слова и отчуждения его на периферию языковой картины мира:

Баба 1. *Прост.* Замужняя крестьянка. *Парни толпились отдельно, кучками, а бабы и девки теснились по обе стороны от мужиков.* Гладк. Лихая година. *В домах распахиваются окна, выглядывают бабы и старухи деревенские.* Астафьев, Последн. поклон.

2. *Прост.* Жена. – *Баба у меня – жена то есть, – простая тоже.* Тург. Несчастливая. – *А у тебя есть баба? – Ну, есть жена, – ответил толстый.* Пришв. Кащ. цепь.

3. *Прост.* Женщина (обычно с оттенком пренебрежительности или фамильярного одобрения). *Базаров тоже обратил внимание на Одинцову. – Что это за фигура?.. На остальных баб не похожа.* Тург. Отцы и дети. *Он с раздражением подумал о Ксени: есть у девочки мать, здоровая, еще молодая баба, а ребенка пришлось навязать на шею старой больной женщине.* Симон. Двадцать дней без войны. – *А если война? Что тогда с этих женщин? Слезы лить да помирать? В той войне нам наполовину бабы помогли победить.* Распутин, Последн. срок. ◊ В сравн. [Иоанн:] **Я говорю с тобой, как с мужем, ты же, как баба, отвечаешь.** А.К.Толст. Смерть Иоанна Грозн. // Простая, необразованная женщина. *Комната моя дрянная, скверная, на краю города. Служанка моя – деревенская баба, старая, злая от глупости.* Дост. Зап. Из подполья. ~ **Базарная баба.** См. Базарный.

4. *Перен. Прост. Пренебр.* О робком, нерешительном мужчине, юноше (обычно в функции сказуемого). (Паратов:) **Если мужчина заплачет, так его бабой назовут, а эта**

кличка для мужчины хуже всего. А.Остр. Бесприданница. – *Николай остался (в тылу) потому, что баба, а я за бабой быть замужем не могу.* Симон. Солдат. не рожд. ◊ **Бранно.** – *Не хотел меня начальник в унтер-офицеры представлять. «Какой ты, говорит, унтер-офицер, – баба ты!».* Корол. Чудная¹⁵.

(Отметим, что впервые в русской лексикографии выделил и описал как самостоятельное последнее значение также В. И. Даль: «**Бранно.** Мужчину зовут бабою. *Эка баба, что нюни распустил? Он такая баба, что всякому в обиду дается, вялый, дрянной, робкий, неуправный*». Одновременно в этой же словарной статье находим одну из архетипических и присущих всем андроцентрическим языкам гендерных асимметрий: «Применение мужского обозначения к референту-женщине допустимо и повышает ее статус. Наоборот, номинация мужчины женским обозначением несет в себе негативную оценку» [12, с. 40].)

Во-первых, обращает на себя внимание окончательное закрепление «сниженного» характера лексемы: все основные значения отнесены к просторечию. Во-вторых, максимально редуцируется закрепленность слова за патриархальной («крестьянской») картиной мира (впрочем, иллюстративный материал второго, третьего и пятого значений сохраняет реликты «языковой памяти»). В-третьих, словарь эксплицирует гендерные стереотипы, которые раньше не актуализировались столь явно (см. выделенные иллюстрации ко второму и четвертому значениям). С точки зрения феминистской лингвистики единственная задача такого рода актуализаций – демонстрация слабости и вторичности женского начала.

Кстати, в такого рода снижении одной из базовых номинаций женщины в русском

¹⁵ Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К. С. Горбачевич. – СПб.: Наука, 2004. – Т. 1. – С. 323.

языке нет ничего этноспецифичного. Аналогичную «трагическую судьбу» (семантические и прагматические трансформации) номинаций женщин в английском языке в свое время обыграл американский поэт и филолог Уиллард Р. Эпси, который как-то заметил: «Само слово *woman* ('женщина') в некоторых кругах стало бранным; *lady* ('леди') заняло то место, где *woman* была сто лет назад; существовавшее на протяжении двух тысячелетий латинское *carus* ('дорогая') переродилась в *whore* ('шлюха'). *Courtesan* ('куртизанка') был когда-то дамой на суде; *wench* ('девка') - любовью молодой девушкой. /.../ *Дамы* – теперь сленговое выражение с сомнительной подоплекой; *мадам* заставляет нас думать о ком-то, кто работает в публичном доме, а *королева* стала гомосексуалистом» [2, с. 285]. Интересно, что последние три семантические метаморфозы значений произошли не только в английском, но и в русском языке: первые два в виде заимствований из французского, последнее – в виде семантической кальки в гей-сленге.

Вместе с тем следует отметить, что, пожалуй, единственным современным контекстом, помимо речи сельских жителей, в котором слова *мужик* и *баба* продолжает сохранять свое первоначальное номинативное и эмоционально нейтральное значение, остаются работы по этнографии русской деревни (например, коллективная монография [13]).

Итак, проанализировав лексикографическую судьбу семантических и прагматических сдвигов в структуре таких ядерных вербализаторов концептов «мужчина» и «женщина», как *мужик* и *баба*, можно прийти к выводу: в XX в. происходило снижение обоих образов как грубых, относящихся к реалиям либо деревенской, либо мещанской реальности.

Следовательно, проведенный анализ лексикографического материала позволяет не

только эксплицировать семантические признаки и сопутствующие гендерные стереотипы тех или иных лексем, но и вскрыть гендерные стереотипы коллективного мышления лексикографов. Весьма показательно, что к аналогичным выводам о влиянии гендерных стереотипов мышления ученых на конструируемые ими концепции и исследование материала приходят и специалисты в области общественных наук: «Традиционная наука описывала разницу в статусах, ролях и иных аспектах жизни мужчин и женщин и находила обоснования «взаимодополнительности» основных половых ролей. Таким образом, традиционная наука служила патриархатной идеологии – идеологии, обосновывавшей превосходство мужчин» [16, с. 18].

Кроме того, можно утверждать, что в некоторых случаях, осознанно или неосознанно следуя той или иной традиции в толковании базовых, ключевых слов культуры и языковой картины мира, лексикографы не всегда ощущают те гендерные стереотипы, которые «просвечивают» сквозь определения, данные их предшественниками, жившими в ином по социально- и гендерно-иерархической структуре обществе. С одной стороны, казалось бы, сама неизменность денотативного плана данных лексем обуславливает отсутствие необходимости изменений в дефинициях ядерных номинаций мужчин и женщин. С другой стороны, подобного рода дефиниции (а еще в большей степени – иллюстративная зона словарной статьи) очень часто транслируют гендерно не толерантные и вообще противоречащие аксиологическим нормам современной культуры представления патриархального сознания о мужчинах и женщинах. Быть может, глубинной причиной возникновения такого рода ситуации является сама диалектическая природа соотношения постоянного и изменяющегося в языке, его констант и трансформаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Egbo B.** Language Education and Gender // Encyclopedia of Language and Linguistics / Ed. Keith Brown. – N.Y.: Elsevier, 2006. – P. 400–404.
2. **Goldenson R., Anderson K.** The Wordsworth Dictionary of Sex. –Wordsworth Reference, Ware: Wordsworth Editions, 1994. – 320 p.
3. **Grigoryan A.** On Gender Aspect in Lexicography // Essays on Lexicon, Lexicography, Terminography in Russian, Americanan Culture / Ed. O. Karpova and F. Kartashkova. – Cambrige: Cambridge Scolaship Partnering, 2007. – pp. 5–11.
4. **Hellinger M.** Sexist Language // Encyclopedia of Language and Linguistics / Ed. Keith Brown. – N.Y.: Elsevier, 2006. – P. 265–272.
5. **Matsumoto D., Juang L.** Culture and Psychology. – 5th ed. – N.Y.: Cengage, 2012. – 544 p.
6. **Sharifian F.** On collective cognition and language // Language and social cognition / Ed. H. Pishwa. – B.; N.Y.: Mouton de Gruyter, 2009. – P. 104–120.
7. **Talbot M.** Gender and Language // Encyclopedia of Language and Linguistics / Ed. Keith Brown. – N. Y.: Elsevier, 2006. – P. 740–741.
8. **Воркачев С. Г.** Любовь как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2007. – 288 с.
9. **Воронина О. А.** Социокультурные детерминанты развития гендерной теории в России и на Западе // Общественные науки и современность. – 2000. – № 4. – С. 9–20.
10. **Воронина О. А., Клименкова Т. А.** Гендер и культура // Женщины и социальная политика (гендерный аспект) / отв. ред. З. А. Хоткина. – М.: ИСПЭН РАН, 1992. – С. 10–22.
11. **Ефремов В. А.** «Мужчина» и «женщина» в русской языковой картине мира. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. – 184 с.
12. **Кирилина А. В.** Гендер: лингвистические аспекты. – М.: Институт социологии РАН, 1999. – 180 с.
13. **Баранов Д. А., Баранова О. Г., Зимина Т. А., Мадлевская Е. Л.** Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре. – СПб.: Искусство–СПБ, 2005. – 688 с.
14. **Пименов Е. А.** Что могут делать мужчины и женщины, а что не могут: Опыт типологии некоторых гендерных характеристик // Mentalität. Konzept. Gender / Hrsg. von E. A. Pimenov, M. V. Pimenova. – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2000. – S. 196–203.
15. **Попов А. А.** К проблеме отражения гендерного аспекта в лексикографии // Гендерный фактор в языке и коммуникации. – М.: МГЛУ, 1999. – С. 60–62.
16. **Пушкарева Н. Л.** Что такое гендер? (характеристика основных концепций) // Гендерная теория и историческое знание / отв. ред. А. А. Павлов, В. А. Семенов. – Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2005. – С. 8–20.

DOI: [10.15293/2226-3365.1606.08](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1606.08)

Valerii Anatolievich Efremov, Doctor of Philological Sciences, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-0247-706X>

E-mail: valef@mail.ru

GENDER STEREOTYPES AND RUSSIAN LEXICOGRAPHY

Abstract

The article is devoted to different ways of gender linguistic analysis of a vocabulary entry that is directed to find gender stereotypes and asymmetries in it. The target goal of the research is to reveal different means of direct or indirect transmission of elements, which conceptualize gender aspects of the linguistic view of the world in the lexicographic text as a culture translator. In the course of the analysis supported by modern social cognition and gender stereotypes theories miscellaneous ways of stereotypes' functioning in the lexicographic texts are identified. The stereotypes might appear in the field of label system, supporting data, word selection, or explanatory tradition. The comparative lexicographic analysis of мужик (muzhik) and баба (baba) in basic Russian dictionaries of 18th – 21st centuries provides gender stereotypes of the Russian linguoculture consideration in diachronic aspect. The analysis of changes in filiation, semantization or stylistical marking of some ethnospecific basic concept 'man' and 'woman' verbalizers' meanings allows to see transformation along with preservation of beliefs on the gender organization of the Russian society. In conclusion, lexicographers do not always perceive gender stereotypes, which used to characterize previous centuries and reveal worldview of a different society according to its gender roles structure, because of this or that tradition in explanation of basic cultural words and the linguistic view of the world. The underlying reasons for preserving these stereotypes are as follows: firstly, it is incongruity of cognitive and linguistic views of the world, secondly, it is dialectic nature of correlation between constants and transformations in the language.

Keywords

Stereotype, conceptualization, gender stereotype, lexicography, words muzhik and baba.

REFERENCES

1. Egbo B. Language Education and Gender. *Encyclopedia of Language and Linguistics*. Ed. Keith Brown. N.Y., Elsevier Publ., 2006, pp. 400–404.
2. Goldenson R., Anderson K. *The Wordsworth Dictionary of Sex*. Wordsworth Reference, Ware, Wordsworth Editions Publ., 1994, 320 p.
3. Grigoryan A. On Gender Aspect in Lexicography. *Essays on Lexicon, Lexicography, Terminography in Russian, American Culture*. Ed. O. Karpova and F. Kartashkova. Cambridge, Cambridge Scolaship Partnering Publ., 2007, pp. 5–11.
4. Hellinger M. Sexist Language. *Encyclopedia of Language and Linguistics*. Ed. Keith Brown. N. Y., Elsevier Publ., 2006, pp. 265–272.
5. Matsumoto D., Juang L. *Culture and Psychology*. 5-th ed. N. Y., Cengage Publ., 2012, 544 pp.
6. Sharifian F. On collective cognition and language. *Language and social cognition*. Ed. H. Pishwa. B., N. Y., Mouton de Gruyter Publ., 2009, pp. 104–120.

7. Talbot M. Gender and Language. *Encyclopedia of Language and Linguistics*. Ed. Keith Brown. N. Y., Elsevier Publ., 2006, pp. 740–741.
8. Vorkachev S. G. *Love as a linguocultural concept*. Moscow, Gnozis Publ., 2007, 288 p. (In Russian)
9. Voronina O. A. Sociocultural determinants of gender theory development in Russia and in the West. *Social sciences and modern age*. 2000, no. 4, pp. 9–20. (In Russian)
10. Voronina O. A., Klimenkova T. A. Gender and culture. *Women and social policy (gender aspect)*. Ed. Z. A. Khotkina. Moscow, ISPEhN RAN Publ., 1992, pp. 10–22. (In Russian)
11. Efremov V. A. “Man” and “woman” in the Russian linguistic view of the world. St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., 2009, 184 p. (In Russian)
12. Kirilina A. V. *Gender: linguistic aspects*. Moscow, Institut Sotsiologii RAN Publ., 1999, 180 p. (In Russian)
13. Baranov D. A. Baranova O. G., Zimina T. A., Madlevskaya E. L. *Muzhik and baba: mannish and womanish in the Russian traditional culture*. St. Petersburg, Iskusstvo–SPB Publ., 2005, 688 p. (In Russian)
14. Pimenov E. A. What can men and women do and what cannot? Essay on classification of some gender characteristics. *Mentality. Concept. Gender*. Ed. von E. A. Pimenov, M. V. Pimenova. Landau, Empirische Pädagogik Publ., 2000, pp. 196–203. (In Russian)
15. Popov A. A. To the point of reflection of gender aspect in lexicography. *Gender aspect in language and communication*. Moscow, MGLU Publ., 1999, pp. 60–62. (In Russian)
16. Pushkareva N. L. What is gender? (characteristics of the main concepts). *Gender theory and historical knowledge*. Eds. Pavlov A. A., Semenov V. A. Syktyvkar, SyktGU Publ., 2005, pp. 8–20. (In Russian)